

I.

Слово огласительное во Святую Пасху Св.
Іоанна Златоуста.

Если кто благочестивъ и любить Бога, пусть насладится этимъ свѣтлымъ торжествомъ. Если кто рабъ благоразумный, пусть исполнится радости Господа Своего. Если кто утомился отъ поста, пусть приметъ нынѣ награду. Если кто съ перваго часа работалъ, пусть получить нынѣ должное вознагражденіе. Если кто замедлил до девятаго часа, пусть является безъ всякаго опасенія. Если кто пришелъ только въ одиннадцатый часъ, пусть не страшится замедленія, такъ какъ щедрый Владыка и послѣдняго принимаетъ наравнѣ съ первымъ; дасть отдыхъ въ одиннадцатый часъ пришедшему, равно какъ и работавшему съ перваго часа; и послѣдняго милуетъ, и о первомъ заботится; и тому платитъ, и этому даритъ; и дѣло цѣнитъ, и расположеніе хвалитъ. Поэтому, войдите всѣ въ радость Господа Нашего; и первые и вторые мзду получите, богатые и бѣдные другъ съ другомъ ликуйте, воздержные и нерадивые день почтите! Постившіеся и непостившіеся—возвеселитесь сегодня! Трапеза полна пищи: наслаждайтесь всѣ! Телець огромный: пусть никто не уйдетъ голоднымъ! Всѣ насладитесь пира вѣры! Всѣ воспользуйтесь богатствомъ благодати! Никто пусть не плачетъ отъ бѣдности, потому что явилось общее царство. Никто пусть не оплакиваетъ согрѣшеній: прощеніе возсіяло изъ гроба! Никто пусть не страшится смерти, потому что освободила насъ смерть Спасителя! Схваченный ею погралъ ее, сошедшій во адъ плѣнилъ адъ, огорчилъ его, вкусившаго отъ плоти Его. Это и Исаія предвидѣлъ, когда взывалъ: *адъ, говоритъ, огорчился* (Ис. XIV, 9). Встрѣтивъ Тебя въ преисподней, онъ огорчился, потому что потерпѣлъ поражение; огорчился, потому что потерпѣлъ посмѣяніе. Взялъ дѣло, а нашелъ Бога; взялъ землю, а встрѣтилъ небо; взялъ то, что видѣлъ, а напалъ на то, чего не видѣлъ: *гдѣ ты, смерть, жало? Гдѣ ты, адъ, побѣда* (1 Кор. XV, 55)? Воскресъ Христосъ, и ты низвержена! Воскресъ Христосъ, и пали демоны! Воскресъ Христосъ, и нѣтъ ни одного мертвого во гробѣ! Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ, сталъ начаткомъ умершихъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Чаша крестныхъ страданій
(Спасителя *)

Глубокая полночь. Въ уединеніи Геосиманскаго сада стоитъ Христосъ. Въ недоумѣніи смотрятъ ученики на скорбное лицо своего Учителя, и ни словомъ вопроса, ни словомъ участія не смѣютъ прервать и на мгновеніе волненій божественной души.

Но ему необходима близость ихъ, необходимо чувство тѣхъ, кого Онъ больше всѣхъ любилъ. „Посидите тутъ, говорить Онъ большинству, пока Я пойду, помолюсь тамъ“ (Мф. 26, 36). „Взявъ съ Собой Петра, Іакова и Іоанна; и началъ ужасаться и тосковать“ (Мар. 14, 33): волны, обуревающія душу, уже не сдерживаются могучею волею и льются черезъ край.

Не найдя въ Самомъ Себѣ силъ къ успокоенію этой бури чувствъ, Онъ скоро ощутилъ, что и присутствіе избранныхъ и вѣрныхъ друзей не соответствуетъ состоянію Его Духа. „Тогда говоритъ имъ Іисусъ: душа Моя скорбитъ смертельно, побудьте здѣсь и бодрствуйте со Мною“ (Мф. 38) и, оставивъ учениковъ, углубился подъ густую тѣнь деревъ. И вотъ Тотъ, отъ Котораго въ смятеніи и ужасѣ бѣжали и падали легіоны темныхъ силъ, Самъ падаетъ на землю, и Его голосъ, который повелѣвалъ вѣтру и морю и они слушались его, стеной ленечетъ въ смертельномъ ужасѣ: „Огче! о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо Меня! впрочемъ не Моя воля, но Твоя да будетъ“ (Лук. 22, 42).

Въ душевной скорби Христосъ прекращаетъ молитву и идетъ къ ученикамъ, чтобы утѣшить Себя ихъ присутствіемъ и найти хотя сколько-нибудь поддержки въ ихъ ободряющей любви. Увы! Онъ нашелъ ихъ спящими. Ни невольный страхъ и предчувствіе близкой опасности, ни преданность Учителю, ни состраданіе къ Его невыразимой скорби не были въ силахъ поддержать ихъ въ бодрствованіи. Отъ печали, утомленія и крайняго возбужденія они напшли успокоеніе въ глубокомъ снѣ; даже Петръ, за часъ передъ тѣмъ общавшій положить душу за Учителя, не устоялъ противъ слабости. „Симонъ, ты спишь? не могъ ты бодрствовать одинъ часъ?“ (Мр. 37),—сказалъ Господь. Когда грустный упрекъ коснулся ихъ соннаго слуха, Онъ прибавилъ, взглянувъ на двухъ прочихъ учениковъ, пробужденныхъ Его приходомъ,—бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе: духъ бодръ, плоть же немощна“ (38).

Побужденіе учениковъ въ бодрствованіи и молитвѣ проистекло, повидимому, изъ состоянія духа нѣсколько успокоившагося; но душевное томленіе не прекращалось и это малое успокоеніе скоро уступило мѣсто новому сильнѣйшему порыву скорби. Еще разъ оставилъ Онъ ихъ и опять съ еще большею напряженностью погружается духомъ въ молитву. Смыслъ ея былъ тотъ же самый, что и прежде, но въ чувствѣ послѣдовала уже перемѣна: „Огче Мой если не можешь чаши сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да будетъ воля Твоя“ (Мф. 42).

Чтеніе въ духовномъ концертѣ 6 апрѣля 1908 г.

Изнемогающей под бременем невыносимой борьбы, во время перерыва излияния своих чувств, опять идет к ученикам своим, все ища подкрепления к их молитвам. Но они и теперь спали глубоким сном, и когда даже разбудил Он их, глаза у них не открылись, и они не знали, что Ему отвечать. (Марк. 40).

В третий и последний раз удалился Он от учеников, чтобы найти единственное утешение в общении с Богом. Но когда в молитве дух возмужал и укреплялся, телесные силы Богочеловѣка пришли въ такую борьбу и такое изнеможение, что Имъ претерпѣваемое, сравнялось мученіемъ челоѣка, борющагося со смертію. И находясь въ бо- реніи, прилежиѣ молился, и былъ потъ Его, какъ кап- ли крови, падающія на землю. (Лук. 44).

Съ полнымъ спокойствіемъ и тихою безмятежно- стію и лишь съ кровавыми слѣдами душевныхъ мукъ возвратился Божественный Страдалецъ послѣ этой молитвы къ своимъ ученикамъ и найдя ихъ спящими опять, сказалъ: „вы все еще спите и почиваете? кон- чено, пришелъ часъ: вотъ предастся Сынъ Человѣче- скій въ руки грѣшниковъ. Встаньте, пойдемъ; вотъ приблизился предающій Меня“ (Мр. 41—42).

Итакъ, не одни страданія ранъ и позорной насиль- ственной смерти предлежали Господу нашему и Спа- сителю, когда Онъ приближался къ концу своего зем- ного служенія. На Голгоѣ ожидалъ Его крестъ ужас- ный самъ по себѣ и окруженный всеміи внѣшними ужасами. Но сокровениѣшая и, можетъ быть, мучи- тельнѣшая половина креста встрѣчаетъ Божественнаго Страдальца въ Геѣсиманіи, и вотъ это таинственное прикосновеніе его заставляетъ повергаться на землю и вопіять: „Отеч! все возможно Тебѣ; прони си чашу сію мимо Меня“ (Мр. 26).—вызываетъ то мучительное уни- женіе, то страшное оцѣпененіе, тотъ мрачный ужасъ, все это страданіе, которое сопровождалось въ Немъ необы- чайнымъ явленіемъ кроваваго пота и которое почти окончательно поразило душу и тѣло, прежде чѣмъ нанесенъ былъ хоть одинъ ударъ.

Что же было въ представлявшихъ Богочеловѣку крестныхъ страданіяхъ этою мучительною чашею?

Съ трепетомъ произносимъ мы вопросъ этотъ. По отношению къ нему мы еще дальше отѣхъ учениковъ,

которые издали—сквозь сумракъ и тѣнь, едва борясь съ неодолимо давившей ихъ тяжелой дремотой, только

чувствовали, что были свидѣтелями невыразимой душев- ной муки, гораздо болѣе глубокой, чѣмъ какую могли

вспостигнуть они, и далеко превосходящей предѣлы нашего разумія даже въ самые возвышенные и чис-

тые моменты нашей духовной жизни. Не вторгаясь во внутреннее святилище сердца Богочеловѣка въ тотъ

страшный часъ, который открывалъ собою окончатель- ное исполненіе предвѣснаго совѣта Божія о спасеніи

человѣческаго рода въ безмѣрныхъ страданіяхъ Его, мы можемъ войти лишь въ благоговѣнное изумленіе

предъ ними. Иисусъ Христосъ явился на землю, жилъ и стра- далъ не для Себя и не за Себя, но за насъ, какъ нашъ

Искупитель. Своею любовію къ намъ Онъ взялъ на

Себя и усвоилъ Себѣ все наше, въ томъ числѣ и смерть. И въ этомъ заключительномъ актѣ Своего служенія

человѣчеству Онъ долженъ былъ остаться попреж- нему челоѣкомъ, пройти съ нами все муки смерти.

Такого отношенія къ смерти и такой страхи смерти не могли преодолѣть тою же все превосходящею крѣпостію,

которой не могли поколебать пятнадцать часовъ пос- лѣдующей непрерывной муки съ величавымъ безмол- віемъ предъ первосвященниками, римскими правите-

лями и иудейскимъ царемъ, съ выносливостію, не

вызывавшимъ невольное уваженіе въ жесточенномъ и безсердечномъ

римляннѣ правителѣ, съ тѣмъ невозмутимымъ прево-

сходствомъ души, которое открыло врата раю, показав-

шемуся злодѣю и дышало сострадательнымъ проше-

ніемъ богоотступнымъ мучителямъ. Могли ли малодушно

поддаться простому страху смерти? Тотъ, Кто уничто-

жилъ въ людяхъ страхъ смерти, когда только по во-

лѣннѣ во имя Его дряхлые старцы, слабыя дѣвы, робкіе

мужчины безтрепетно смотрѣли прямо въ лицо пред-

стоявшей имъ смерти? Самые тупоумные люди, самые

закоснѣлые преступники всходили часто на эшафотъ

безъ трепета и страха; многіе звѣрскіе и безумные

убійцы твердой ногой ступали на лѣстницу висѣлицы

и съ недрогнувшимъ лицомъ смотрѣли на окружающую

народную толпу. Замѣчено наблюдениемъ, что въ душѣ

человѣческой нѣтъ настолько слабой страсти, которая

бы не могла подавить и побороть страха смерти. Мще-

ніе торжествуетъ надъ смертію, любовь презираетъ ее,

жестокость рвется на смерть, горе стремится къ ней, страхъ

предупреждаетъ ее. Но и помимо отваги или бѣдствія

человѣкъ часто готовъ умереть просто отъ усталости

или скуки своей жизни. Съ другой стороны, какъ мало

перемѣны приближеніе смерти производитъ въ добрыхъ

людяхъ: до самаго послѣдняго момента они непоколе-

бимо остаются какъ были. Христіанину едва ли нужно

еще объяснять, что вовсе не эгоистическое чувство

страха за свое я, его существованіе, боязни передъ

ничтожествомъ вызывало кровавый потъ на лицѣ Спа-

сителя. Здѣсь было нечто гораздо смертельнѣе самой

смерти.

Какъ челоѣкъ, Иисусъ Христосъ долженъ былъ

платить дань челоѣческой природѣ, испытывать боль

и отвращеніе предъ всеміи тѣмъ, что ей чуждо и про-

тивно. Но нѣтъ ничего болѣе ужаснаго для существа,

опредѣленнаго къ жизни, смерти, разрушенія. Смерть

тяжела для насъ, не смотря на то, что отъ самаго

срѣженія мы носимъ ее вмѣстѣ съ грѣхомъ въ самихъ

себѣ и живемъ въ ея тлетворной атмосферѣ, не замѣ-

чая этого; она стала почти второю нашею природою

и тѣніе свойственно намъ со времени грѣхопаденія.

Если смерть внушаетъ ужасъ намъ, грѣшникамъ, то

неизмѣримо болѣе ужаса она должна была внушать

безгрѣшному Существу, чуждому тѣнію и по безгрѣш-

ности, и по сверхъестественному своему происхожде-

нію. Смерть для такого существа имѣла другой смыслъ

и значеніе: она была не только ужасномъ, но и наси-

дѣлемъ. Если и мы со своими ступѣвшими въ атмосфере мѣрѣ зла и тлѣнія чувствами, отчасти можемъ чувствовать безобразіе смерти, этотъ смрадъ грѣха, то глубина этого чувства въ Святомъ Богочеловѣкѣ нами и приблизительно не можетъ быть представлена. Одно изъ всякаго сомнѣнія, что это чувство было святымъ и выраженіемъ святой души, болѣзненно содрогнувшейся отъ прикосновенія къ ней жала грѣховнаго (1 кор. 15, 55, 56). Когда духъ человѣка съ сознаніемъ готовится переступить порогъ земного бытія, предъ нимъ съ необыкновенною ясностію оживаетъ вся полнота пройденнаго жизненнаго пути, со всеми забытыми представленіями и ощущеніями; и прошедшее многихъ дѣлѣтъ разомъ на мгновение дѣлается настоящимъ. Господь нашъ не былъ однимъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, но Онъ любилъ называть Себя Сыномъ человѣческимъ, показывая тѣмъ, что въ Его единичной душѣ совмѣщалась въ чистомъ видѣ вся полнота рода человеческого. Въ Его сердцѣ вмѣщались все мы безраздѣльно. И вотъ въ предсмертный часъ предъ Нимъ, какъ Сыномъ человѣческимъ, оживали ощущенія всѣхъ поколѣній. Предъ Нимъ какъ бы развертывается свитокъ книжный, на которомъ люди записали дѣянія свои, и Его око читаетъ въ немъ рыданіе, и ежасность, и горе. Замаслы и предпріятія, наполнявшіе циклы временъ и истощавшіе, силы многихъ поколѣній, оставляютъ по себѣ для вѣка однѣ развалины, и въсмотрѣть на нихъ путникъ съ тяжкою душою о тлѣнности всего земного. Каждый памятникъ славы стоитъ на костяхъ погибшихъ и орошенъ обильно потомъ и слезами. Кипитъ наслажденіями и планами жизнь человѣчества. Но погубилъ, растущая на зараженной грѣхомъ землѣ, уносить жертвы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, какъ бы соразмѣряя свои опустошенія съ силою предпріимчивости со стороны человѣка. Когда въ древности Духъ Божій указалъ народу на подобный избытокъ жизни, онъ увидѣлъ келью кипящую, и въ немъ варились кости и куски мяса веселящагося народа. Прошелъ день, вскипѣло варенье, истѣбли кости, растопился котелъ, все обратилось въ пепель, который ждалъ перваго дуновенія вѣтра, чтобы исчезнуть въ неизвѣстности. Печать грѣва Божія, печать проклятій лежитъ на путяхъ нашихъ, и видъ ея преисполнилъ смертную чашу, и потому была она такъ ужасна и нестерпима. Представимъ, что на картину гибели и проклятій, начертанную на землѣ, смотритъ безконечная людская, взыскующая погибшаго человѣка, и мы еще болѣе ощущаемъ себѣ тягость скорби геесиманской. Съ неба на землю эта любовь низвела Бога, чтобы насъ, отпадшихъ отъ источника божественной жизни, снова приобщить къ ней и, снявши съ насъ проклетіе, возвратитъ намъ милосердіе Жидителя, безъ котораго нѣтъ отсчастія въ мірѣ Божіемъ. Предъ совершеніемъ жертвы примиренія, любовь, несущая дѣкаство больному, видѣть, что весь онъ—язвы и струпъ, и нѣтъ мѣста въ немъ, гдѣ бы можно было приложить пластырь, и болѣзненно прикоснуться къ нему, чтобы сдѣлать обязаніе. Есть у нашего поэта Никитина прекрасное стихо-

твореніе „Моленіе о чашѣ“, въ которомъ поэтъ довольно близко подходитъ къ правдѣ, когда хочетъ объяснить муки Іисуса Христа мыслью о предстоящемъ Ему зрѣлищѣ человѣческаго зла, нечестиваго, злобы, жестокости и неблагодарности черной людей, величайшаго злодѣя тва и неправды. Поэтъ пишетъ:

За слово истины высокой

это зло! Голговерскій крестъ предвидѣлъ Онъ,

И, чувствомъ скорби возмущенъ, тыяныру

воя аху! Отцу молился одиноко: ты ахъ иишодъ ахъ

Ты знаешь, Отче, скорбь Мою, а ахъ ахъ ахъ

И видишь, какъ Твой Сынъ страдаетъ,— ахъ ахъ ахъ

О, подкрѣпи Меня, молю: ахъ ахъ ахъ

Моя душа изнемогаетъ, ахъ ахъ ахъ

День казни близокъ: онъ придетъ,— ахъ ахъ ахъ

На жертву отданный народу, ахъ ахъ ахъ

Твой Сынъ безропотно умретъ, ахъ ахъ ахъ

Умретъ за общую свободу, ахъ ахъ ахъ

Проклятемъ черни пораженъ, ахъ ахъ ахъ

Измученный и обнаженный, ахъ ахъ ахъ

Передъ толпой поникнетъ Онъ, ахъ ахъ ахъ

Своей главой окровавленной, ахъ ахъ ахъ

И тѣ, которымъ со креста, ахъ ахъ ахъ

Попплетъ Онъ даръ благословенія, ахъ ахъ ахъ

Съ улыбкой гордаго презрѣнія, ахъ ахъ ахъ

Поднимутъ руку на Христа, ахъ ахъ ахъ

О, да минуетъ чаша эта, ахъ ахъ ахъ

Мой Отче, Сына Твоего, ахъ ахъ ахъ

Мнѣ горько видѣть злону свѣта, ахъ ахъ ахъ

За искупленіе его, ахъ ахъ ахъ

Но не моя да будетъ воля, ахъ ахъ ахъ

Да будетъ такъ, какъ хочешь Ты, ахъ ахъ ахъ

И въ насъ, людяхъ грѣшныхъ, зло способно воз-

буждать ужасъ, боль и отвращеніе; каковы же были

нравственныя страданія въ Существовѣ Святомъ, беско-

нечно болѣе насъ способномъ чувствовать боль и

ужасъ грѣха, въ чистой душѣ, не выносящей малѣй-

шаго прикосновенія зла. Что должна была чувство-

вать чистая душа Богочеловѣка при видѣ неслыхан-

наго и самаго наглаго торжества зла надъ добромъ,

поруганія всего великаго и святаго у креста? Въ мо-

лѣ о чашѣ мы слышимъ вопль святой и любящей ду-

ши, содрогнувшейся гнусной картины грѣха человѣ-

ческаго въ самомъ крайнемъ его проявленіи. Понто-

Но эта любовь не сочувствовала только, какъ бы

вчужь, нашимъ язвамъ, она всецѣло усвоила ихъ се-

бѣ. Ядовитое жало грѣха, растравлявшее родъ нашъ,

она какъ бы устами исторгала изъ зараженной приро-

ды нашей, желая спасти отъ смерти погибающихъ,—и

могли ли не ощущаться при этомъ болѣзненные уяз-

вленія чистой небесной души? Каждый изъ насъ зна-

етъ по опыту, какъ мучитъ насъ совѣсть за содѣянные

наши неправды и злодѣянія. Проклетіе правды Божіей

за нарушенный святой законъ, проклетіе, написанное

въ сердцѣ грѣшника,—самая страшная казнь, какую

можетъ представить человѣческое воображеніе: казнь

внутренняя, она не возбуждаетъ сожалѣнія, не несетъ

съ собою примеренія, не имѣетъ той скоротечности,

какъ казнь вѣшная, и поражаетъ обыкновенно не

часть какую-либо, но всего человѣка, и дѣлается его

неотъемлемою принадлежностію, огнемъ адскимъ пала его существо. И вотъ эту казнь беретъ отъ всѣхъ и принимаетъ на Себя безгрѣшный Богочеловѣкъ. Темныя силы ада, гнѣздящіяся въ миллионѣхъ грѣшныхъ сердецъ, устремляются на всесвятѣйшую любовь и борются съ Непобѣдимымъ. Въ мгновеніе искупленія тяжестя всѣхъ вѣковъ легла на Немъ, и люди искупленія, вѣрою привитые къ доброй маслинѣ, можетъ быть, больше заботили взоръ любви, обнимавшій всю полноту рода человѣческаго, чѣмъ сѣдѣше въ странѣ и сѣни смертной.

Гѣсиманскія страданія отъ начала до конца остаются выраженіемъ святой и любящей души. Спаситель нашъ никогда не страдалъ за Себя, какъ страдаемъ мы, но всегда за другихъ и для другихъ. Ошибемся ли мы, если скажемъ, что и въ послѣднія минуты жизни Онъ остался тѣмъ же безконечно любящимъ насъ Существомъ, помнящимъ только о насъ и неспособнымъ страдать за Себя? Склоняясь подъ тяжестью креста, не Онъ ли потомъ будетъ утѣшать другихъ, плакавшихъ о Немъ по чувству состраданія? И въ саду Гѣсиманскомъ Онъ не о Себѣ плакалъ и молился, и не о Своей чашѣ просилъ у Отца. Выбирая для Себя Крестъ, Иисусъ Христосъ вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ самымъ возлагалъ тяжелое бремя креста и на всѣхъ Своихъ послѣдователей: Его путь долженъ былъ стать общимъ путемъ жизни и спасенія для всѣхъ людей. Надлежало совершиться тому слову, которое казалось и теперь еще многимъ кажется такъ суровымъ и жестокимъ: «кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною» (Марк. 8, 34). Вотъ наступила рѣшительная минута, неизмѣримо важная по своимъ необятнымъ послѣдствіямъ для судьбы всего человѣческаго рода. Судьба послѣдняго зависѣла отъ того, возьметъ или не возьметъ Свой Крестъ Спаситель. Возьметъ—тотъ же Крестъ ляжетъ свою тяжесть и на Его послѣдователей, лучшихъ людей въ мірѣ, соль земли, свѣтъ міра... Но въ Немъ билось наше человѣческое, великое, благороднѣйшее сердце, полное безконечной любви къ намъ, состраданія, милосердія; могло-ли это сердце оставаться спокойнымъ, не смущаться судьбою тѣхъ, кому оно все было отдано давно? И окинулъ Христосъ умственнымъ взоромъ Своимъ, въ эту рѣшительную минуту, грядущее вѣка и тысячелѣтій, и умственнымъ взоромъ Его предстала грустная, тяжелая картина человѣческой исторіи, усеянная сплошною и непрерывною массою маленькихъ, человѣческихъ крестовъ, на которыхъ отъ дней Иисуса донинѣ распинается все великое, святое, честное, правдивое, все лучшее на землѣ (Евр. 11, 38). И сердце Его содрогнулось за насъ. И вылился вопль изъ любящей души Его къ Отцу: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“ (Мѣ. 26, 39). Иисусъ Христосъ не хотѣлъ быть причиною или поводомъ нашихъ страданій: Онъ пришелъ для нашего блага. Бываютъ минуты и въ нашей грѣшной жизни, когда сердце не хочетъ слушаться разсудка, властно требуетъ своихъ благородныхъ правъ; когда и благородные порывы его становятся слабостью въ великихъ

дѣлахъ... Такая минута наступила для Сына человѣческаго въ саду Гѣсиманскомъ—минута страшнаго страданія за другихъ, высочайшаго и благороднѣйшаго взрыва естественнаго человѣческаго чувства состраданія и милосердія.

Итакъ, вотъ что пережилъ Божественный Страдалецъ въ тѣ минуты, когда съ непостижимымъ для насъ безгрѣшнымъ ужасомъ Онъ предвкушалъ горечь чаши крестныхъ страданій. Это было таинственное бремя грѣховъ цѣлаго міра, взвалившееся на сердце Христа; это было вкушеніе Имъ, при божественной непорочности своей человѣческой жизни, горькой чаши, отравленной грѣхомъ; это было склоненіе божественной главы къ принятію удара изъ-за человѣческаго беззаконія, приведшаго къ страшной возможности такого преступленія; это была жгучая скорбь о тѣмъ человѣческомъ бытіи въ состояніи паденія и богоотступничества; это было сознаніе того, какъ могущественна и ужасна была сила зла въ Божьемъ мірѣ, когда оказалась нужда въ такой безконечной жертвѣ; это было сокрушительное чувство совершенной невинности, принужденной вынести лютой злобу, какую только можетъ измыслить ненависть человѣческая,—испытать на своей неповинной, безконечно любящей душѣ все, что есть омерзительнаго въ человѣческой неблагодарности, все, что есть ядовитѣйшаго въ человѣческомъ лицемеріи и что есть жесточайшаго въ человѣческой ярости; это былъ вопль святой и любящей души Спасителя нашего, повергающаго предъ очи правосудія и милосердія небеснаго ту нестерпимую горечь, какую видитъ въ чашѣ, переполненной до верха, и какую съѣдалъ капля за каплей, по опредѣленію предвѣчнаго совѣта Божія.

Еще въ тиши и уединеніи пустыни Иисусъ Христосъ готовился къ подвигу спасенія погибающаго рода человѣческаго. Настало время осуществить его, и Онъ, „зная все, что съ Нимъ будетъ, вышелъ и сказалъ имъ (воинамъ и служителямъ отъ первосвященниковъ и фарисеевъ) кого ищете? Ему отвѣчали: Иисуса Назорея. Иисусъ говоритъ имъ: это Я“ (Іоан. 18, 5—6).

Было уже за полдень, и во святомъ городѣ солнце должно бы свѣтить палящими лучами. Но оно обратилось во тьму и скрылось отъ страшнаго зрѣлища на Голгоѣ: тамъ высился крестъ съ распятымъ на немъ Божественнымъ Страдальцемъ.

Священникъ *Николай Рубинъ*.

Священная исторія Нового Завѣта въ пасхырскихъ поученіяхъ.

Искушеніе І. Христа отъ діавола.

Немедленно послѣ крещенія Духъ Святой повелъ Иисуса Христа отъ Іордана въ пустыню, въ которой не было другихъ обитателей, кромѣ звѣрей (Мар. 1, 12, 13). Тамъ онъ пробылъ сорокъ дней и ночей, и въ эти дни и ночи